

СИМВОЛЫ СМЕРТИ В РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Символ смерти является важнейшим компонентом ментальности. Если смерть как простое небытие ни созерцать, ни исследовать невозможно, то ее проекции на различные ипостаси человеческого бытия поддаются описанию и изучению.

В последние годы отечественный читатель оказался перед лицом — не смерти, нет, — потока публикаций «а ля Америк» на тему «жизнь после смерти». Нет желания даже указывать библиографию подобных работ.

Казалось бы, отечественной этнографии, социальной психологии, социологии брошен вызов! Ан нет! По сути единственной публикацией, посвященной данному вопросу, оказалась статья известного отечественного культуролога, по специальности — историка-медиевиста А.Я. Гуревича¹. Полемику с американскими неопитами «афтерлайфа» он предпринял на хорошо известной ему территории — материале европейского средневековья. Ученый убедительно продемонстрировал культурно-историческую детерминированность «посмертных» видений, приведя в пример простонародные жанры «экземпла» и «визионс» (*exempla, visions*).

Со времени выхода статьи прошло уже четыре года, но до сих ни один социопсихолог или социолог не поддержал разработку данной темы на материале конкретных исследований. Наша статья призвана наметить некоторые подходы к исследованию этой темы.

Но прежде всего несколько слов о традициях социального, исторического и философского исследования смерти.

Своеобразным классиком этой темы является французский исследователь Ф. Ариес, автор недавно переведенного на русский язык труда². В историческом плане эту тему также разрабатывают М. Вовель (Франция) и Ю.Л. Бессмертный (Россия)³.

Пристальное внимание к смерти отличает русскую философию «серебряного века». Достаточно назвать С. Булгакова (соумирание Бога с человеком)⁴, Н. Федорова⁵, Л. Карсавина⁶ (победа над смертью, жизнь через смерть), Н. Бердяева, В.В. Розанова и других столь же крупных мыслителей. Оригинальные разработки в этой области имелись в русской философии и послеоктябрьского периода. Здесь можно назвать Э.В. Ильенкова (самоубийство человечества для обновления Вселенной)⁷, В.В. Налимова (смерть как деперсонализация сознания)⁸, М.К. Мамардашвили (смерть как фундаментальный символ сознания)⁹.

Анализируя взгляды русских мыслителей, К.Г. Исупов, в частности, отметил: «Русская философия смерти в наиболее проблемных узлах сопрягается с философией Эроса. С одной стороны, к этому сопряжению любви и смерти в общей для них мифологеме жертвы обязывала святоотеческая традиция. С другой стороны, отечественное нравственное сознание знает множество аспектов гибели, самым популярным среди которых оказалась жертва во имя идеала (...) Универсализация жертвы придала Русскому Эросу амбивалентный характер: любовь и смерть оказались взаимно обращенными конфигурациями бытия (...) Эрос стал вестником смерти, а Танатос — преизбыточествующим Эросом»¹⁰. Чуть отвлекаясь, замечу, что сопряжение смерти и любви в жертвенном акте воплотилось и в низовых явлениях художественного сознания, среди которых — девичий рукописный рассказ¹¹. Анализ этого жанра с точки зрения кристаллизованного в нем императива романтического (любовно-жертвенного) суицида предпринят нами ранее¹².

Обзор публикаций на тему смерти можно продолжить, и список только значительных работ мог бы составить порядка полутора ста единиц¹³, но мы ограничимся вышесказанным и перейдем к собственно социологическим исследованиям русской ментальности.

Бытие после смерти в массовой литературе начала XX века

Мне довелось поработать с дореволюционными российскими изданиями, в обязательном порядке поступавшими в Императорскую Публичную Библиотеку им. М.Г. Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург). Судя по тому, что многие издания даже не разрезаны, с содержанием их не знаком практически никто из представителей ученого мира. В этом смысле результаты ознакомления с массовой («лубочной») литературой в какой-то мере сенсационны.

Путешествия на «тот свет», «открытые» американцами в конце нашего века, были обычным делом для российского читателя начала XX века.

Вот книжечка, отпечатанная в Москве в 1914 г.: «Великое чудо в Тверской губернии, где оживший мертвец поведал тайну Загробной Жизни». Содержание ее таково. Умер Арсений Блинов, сын мещанина, родители оплакивали его. Через час умерший поднялся и сказал: «Я на том свете видел Машу с Ариной и Сашу (сестру семилетнюю, умершую 10 лет назад. — С.Б.). Вы думаете, что они умерли? Нет. Они все живы. И какое там прекрасное место, где они живут...» Отрок рассказывает о разговоре с родными, прогулке по лугу. Затем прощается с родителями, «собираясь назад», и снова умирает с улыбкой на устах.

То, что этот рассказ был популярен, а стало быть, укладывался в структуры ожидаемого, предполагаемого, чаемого, подтверждается как многократным переизданием его, так и «перепевами» сюжета в других изданиях. Раскрываю книгу с названием: «Великое чудо с умершим отроком, который встал со смертного ложа и поведал родителям своим тайну загробной жизни». Книга издана в Москве уже другим предпринимателем, но в ней мы видим тот же самый сюжет с теми же действующими лицами, только Арсения Блинова зовут почему-то Николаем Блинов. По-видимому, сюжет уже стал полуфольклорным.

Тема загробного мира представлена и в других брошюрах. Вот изданное в Москве 80-страничное «Сказание о семи святых отроках, в Ефесе восставших от сна смерти и снова умерших в надежде воскресения», а вот издано в Томске — «О некоем воине, именем Такиот, воскресшем из мертвых»...

Словом, люди умирают, воскресают, рассказывают о загробной жизни и вновь умирают в надежде воскресения или в предвкушении лучшей загробной жизни.

Однако для того чтобы постичь тайну загробного мира, не всегда нужно было умирать. Послушники монастырей удостоивались права посетить мир иной при жизни. В книге «Назидательный рассказ о сновидении, виденном послушником Ново-Афонского монастыря» визионера сопровождает вначале умерший 8 лет назад пятилетний племянник, а затем ангел, отгоняющий приступивших к послушнику чертей словами: «Не ваше дело касаться до нас». Он наблюдает мучающихся грешников (коих сперва принимает за горящие дрова) и другие назидательные явления. Другой «Назидательный рассказ, виденный послушником Тихвинского Введенского монастыря», как и первый, издан в Петрограде в 1915 г. Действие развивается по жесткому сценарию: встреча с родственником (сестра Пелагея, умершая в 16-лстнем возрасте 13 лет назад), исчезновение его («Тут сестра моя скрылась»), появление ангела-проводника, демонстрирующего кару за грехи, а затем рай. Любопытно и симптоматично, что послушник узнает «там» мужичка из соседней деревни, замечает знакомую сенокосную полянку и реку («Только течение реки другое»).

Таким образом, не подлежит сомнению тот факт, что **покуда в России существовала официальная православная религиозность¹⁴, видения загробного мира обнаруживали христианскую его структуру.**

Бытие после смерти в устной русской традиции

Массовая литература, как бы то ни было, являлась лишь отражением массовых фольклорных рассказов об умирании с последующим оживлением. В русской традиции этот жанр получил название «обмираний». Хотя каждый обмиравший «умирал» индивидуально, думается, назвать эти рассказы фольклорными вполне допустимо: в измененных состояниях сознания (сон; «обмирание», то есть некий синтез летаргии с клинической смертью; галлюцинации) воспроизводятся именно архетипические для данной общности людей, фольклорные по сути мотивы. У североамериканских индейцев так называемые инициационные сны имеют массовый характер: сны с определенным содержанием переживают все члены социума на определенном возрастном этапе. «Предполагается, что разные люди видят, в сущности, один и тот же сон, варьирующийся лишь в деталях. Мифологическая действительность, которую видят во сне, предполагается одной и той же для разных сновидцев, и знаменательно, что, обсуждая свои сны, люди могут поправлять друг друга. Итак, люди во сне оказываются как бы в одной и той же действительности, в одном и том же сакральном мире и, соответственно, обмениваются опытом, уточняя свои представления об этой действительности»¹⁵.

Полагаем, что примерно то же можно сказать и об обмираниях. Закрепляются и передаются изустно рассказы, которые по фабуле соответствуют общепринятым представлениям о том, что должно происходить в состоянии «обмирания».

В своей классической для фольклористов и этнографов книге о сибиряках первой четверти XX века Г.С. Виноградов пишет: «Сведения о том свете — как о рае, так и об аде — получаются главным образом от тех, кому приходилось обмирать. Так, Настасья Бахарева в 1873 году захворала и умерла, три дня по обычаю пролежала в доме и зашевелилась только тогда, когда стали в гроб класть. Она встала и рассказала, что с ней было: "Вот встречают меня два ангела. Пропели молитву, взяли под руки и повели. Там сады зеленеют, птички ноют. Привели меня к Богу. Бог и говорит: "Мне тебя не надо. Иди обратно домой, расскажи все, что видела, только вот эти два слова не сказывай, а скажешь — умрешь" "Автор приводит целый ряд подобных рассказов об "обмираниях", причем в них неизменно фигурируют два или три слова, которые им "не велено сказывать"»¹⁶.

Жанр обмираний дошел и до наших дней. Совершенно «классическое» обмирание записано в 1989 г. от 12-летней девочки. Комментатор отмечает: «Текст полностью соответствует жанру: Бог — проводник, представления об аде и рае, "загробная топография", встреча с умершими родственниками, три тайных слова. Рассказ чрезвычайно интересен своей полнотой, сохранением подробностей, развернутостью повествования»¹⁷.

Устная традиция в России до конца XX века сохранила традиционные народно-христианские представления о загробном мире.

Бытие после смерти в представлениях современной российской молодежи

Начиная с 1990 г. я проводил многочисленные исследования, целью которых было изучение различных сторон ментальноеTM и быта женской учащейся молодежи. В частности, подробно выяснялись различные аспекты отношения к смерти. Ориентируясь на традиции феноменологического, «понимающего» направления в социологии, я старался по возможности инициировать развернутые ответы. Вот примеры некоторых из них, полученные в кооперативном училище Шадринска:

«Я верю, что душа существует, она не умирает. После смерти человека она вселяется в другого, который появляется на свет. Может быть, она не сразу найдет себе место, может быть, человек с моей душой появится через двадцать лет или через

несколько минут. Иногда мне кажется, что со мной когда-то уже было такое, что происходит сейчас. Приехав в новый город, мне кажется, что я там была, но очень давно, то есть была там моя душа» (*Оксана, 16 лет.*)

«Я думаю, что душа существует. После смерти человека она уходит в загробную жизнь. То есть человек умирает, но остается душа. Она уходит и превращается в живого человека, который потом рождается опять к нам на свет, но уже в другом обличье» (*Лена, 17 лет.*)

«Считаю, что душа есть и существует после смерти. Я не боюсь того, что мне придется умереть рано или поздно. Я боюсь того, что будет с моей душой после смерти. Жизнь — это испытание перед Богом. Как ты проживешь в этой жизни, так будет дальше. Если плохо, то в ад, а если как Богу угодно — то в рай. Бог есть, и я верю в него лет с пяти. Я верю в Иисуса Христа, он есть, а может быть, и нет. Но без веры трудно. Если бы я не считала, что Бог есть, то делала бы, что хотела. А так — я немного себя придерживаю» (*Лена, 16 лет.*)

«Верю ли я в душу человека? Безусловно. После моей смерти душа переместится в какое-нибудь дерево или цветок. Потом оно взрастет и даст семена, плоды, и хоть я умерла телом, но душа моя живет» (*Лариса, 16 лет.*)

«Да, душа существует. После смерти человека душа некоторое время живет, но потом тоже умирает» (*Светлана, 17 лет.*)

«Да, душа существует. Человек после смерти — то есть его душа — может быть собакой, птицей и т.д.» (*Оля, 18 лет.*)

«После смерти человека душа остается, она не умирает, но воскресает после 40 дней. Она сама создает себе облик прежнего человека и живет на другой планете (...) Бог существует на другой земле, он выше и чище нас. В Бога я верю, но в церковь не хожу — стесняюсь, боюсь старушек. Я больше общаюсь с Матерью Божией. Считаю, что она ближе к женщинам, к страданиям, с ней можно откровенней поговорить, а у Бога проблем хватает и без меня» (*Без имени, 17 лет.*)

Я привел семь ответов из двадцати, полученных в двух группах техникума. Можно ли как-то классифицировать их? Конечно, можно, но из них ясно, насколько тонкая материя — мысли о трансцендентных вещах и с какой условностью можно принимать за достоверные данные опросы, построенные на выборе готовых вариантов.

Общее же состояние представлений о смерти и бессмертии удивительно напоминает ситуацию полуторатырской давности. Аврелий Августин, живший в Риме в IV—V веках, зафиксировал в умах богословов такую же сумятицу, какая царит в мыслях юных современниц: «...Одни говорили, что души бессмертны, другие — смертны; а из тех, кто признавал души бессмертными, одни доказывали, что они переселяются в животных, другие — что это невозможно; среди тех же, кто называл души смертными, одни учили, что они погибают после смерти тела, другие — что они продолжают жить еще более или менее долго, но не вечно» (Августин Блаженный. О граде Божием. XVIII, 41).

Такое чувство, словно Августин прочитал сочинения моих респондентов: без исключения все версии богословов присутствуют в мыслях произвольно взятых групп кооперативного училища — отнюдь не самого элитарного учебного заведения,

Для того чтобы составить представление о распределении мнений среди девушек (большинство учебных заведений в Шадринске имеют преимущественно женский контингент учащихся) я организовал два опроса студентов местного пединститута. Первому подверглись вчерашние выпускники школ, первокурсники пяти факультетов 16—18 лет (удельный вес юношей — 10%); второму — студенты факультета дошкольного воспитания и филологического факультета четвертого курса 21—22 лет (юношей нет).

Распределение ответов на вопрос о бытии души после смерти показало, что ни возраст, ни факультет не влияют на процентное распределение вариантов.

Отвечают бытие души после смерти всего 9%. Еще примерно 16% не ответили на

вопрос, а 5% указали неклассифицируемые варианты, то есть **70% респондентов в той или иной форме признают бытие души после смерти.**

В общей сложности 40% опрошенных придерживаются позиции метемпсихоза, переселения души в другое тело. Это наиболее многочисленная группа. Позиции, близкой к христианской (мусульманской) религии придерживаются всего 16%, «научно-фантастические» версии исповедуют 12% респондентов.

Результаты, на мой взгляд, во многом неожиданны, если не сенсационны. Не более 10% молодежи ограничивают существование души рамками земной жизни, а 70% достаточно уверенно возлагают надежды на те или иные формы посмертного бытия.

Осмелюсь высказать гипотезу, которая в целом совпадает с оценкой А.Я. Гуревичем американских «видений». Он оценил благодные видения пациентов в состояниях, близких к смерти, как симптом утраты ответственности за личное земное бытие. Американцы не тревожатся даже в пограничных состояниях подлинностью прожитой жизни. В их религиозных взглядах практически перестал существовать «ад» — символ воздаяния за грехи: 76% американцев уверены в своем попадании в рай, и лишь 6% считают, что у них много шансов попасть в ад¹⁸.

Полагаю, что полученная нами картина внушает серьезную тревогу по аналогичному поводу. Кроме тех 15—19%, которые ожидают попадания в рай или ад в зависимости от земной жизни человека, остальные не испытывают тревоги за свое посмертное существование. Удобная позиция переселения и тело вновь родившегося человека или иного живого существа, отнюдь не совпадает с восточной концепцией метемпсихоза. Там тип реинкарнации зависит от жизни человека, и целью его является прерывание цепи перевоплощений. У нас же перевоплощение воспринимается как некая веселая карусель, как гарантированное бессмертие...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гуревич А.Я. «Жизнь после жизни», или Нечто о современности и средневековье // Знание — сила. 1990. № 11. С. 55—62.
- ² Арнес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992.
- ³ О дискуссии между Ф. Арнесом и марксистом М. Вовелем см.: Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 114—135. Из отечественных исследований: Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М.: Наука, 1991. Единственной серьезной работой американцев можно считать статью: Вудворд К. Отрицание ада // Америка. 1990. № 404. С. 12—16, построенную на лонгитюдном социологическом исследовании и лишенную фантазий «на тему Моуди».
- ⁴ Булгаков С. Софиология смерти // Вестник РХД. 1978. № 127. С. 18—41.
- ⁵ Федоров П.Ф. Сочинения. М.; Мысль, 1982; Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- ⁶ Карсавин Л. Поэма о смерти // Религиозно-философские сочинения. Т. 1. М.: Ренессанс, 1992. С. 235—305.
- ⁷ Ильенков Э.В. Космология духа // Ильенков Э.В. Философия и культура. М., 1991. С. 415—437.
- ⁸ Пилимов В.В. Спонтанность сознания. М.: Прометей, 1990. С. 128 и др.
- ⁹ Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Иерусалим, 1982. См. также: Шевченко А.К. Проблема сознания в работах М.К. Мамардашвили // Философская и социологическая мысль. 1991. № 8. С. 14—40. Здесь же — о сходстве взглядов П.Я. Чаадаева и М.К. Мамардашвили на природу смерти.
- ¹⁰ Исунев К.Г. Рецензия на книгу: Русский Эрос, или Философия любви в России. М., 1991 // Вопр. философии. 1992. № 12. С. 153.
- ¹¹ Тридцать девичьих рукописных любовных рассказов / Составитель и автор комментария С.Б. Борисов. Обнинск. 1992.
- ¹² Борисов С.Б. Личные документы как источник суицидологической информации (некоторые проблемы социологии девиантного поведения) // Социол. исслед. 1993. № 8. С. 62—65.
- ¹³ Поскольку тема «Символ смерти в русской ментальности» сравнительно нова для отечественной социологической мысли, укажу основные работы по этой теме, чтобы возможно меньше повторялось уже сказанное: Седов Л. Пестрая душа // Родина. 1992. № 1. С. 62—68 (опыт типологии культур по отношению к смерти); Эльштейн Н. О смерти // Эльштейн Н. Диалог о медицине. Таллин, 1986. С. 82—94; Дубровский Д.И. Смысл смерти и достоинство личности // Филос. науки. 1990. № 5. С. 116—120; Макарова Л.М. Смерть в идеологии и практике германского фашизма // Семиотика культуры. Сыктывкар.

1991. С. 41—44; *Малахов В.С.* Смерть // Современная западная философия. Словарь. М., 1991. С. 278; *Седов Л.* Типология культур по критерию отношения к смерти // Синтаксис (Париж). 1989. № 20. С. 159—192; *Сабиров В.Ш.* Проблема страха смерти в современной танатологии // Философские аспекты духовной культуры. М., 1984. С. 74—92; *Титаренко Т.М.* Отношение к смерти как механизм миропостроения // Филос. и социол. мысль. 1992. № 5. С. 21—45; *Трубников Н.Н.* Проблемы смерти, времени и цели человеческой жизни // филос. науки. 1990. № 2. С. 104—115; Фигуры Танатоса (Сб. статей). СПб., 1992; *Белов Над* Тоталитаризм и культ смерти // Балтийское время. 1990. 2 июля. С. 4—6. Практически полностью символу смерти в фольклорном сознании посвящена работа: *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. Философские взгляды автора на смерть отражены также в работе: *Борисов С.Б.* Смерть. Рефлексия. Творчество // Рефлексивные процессы и творчество. Новосибирск, 1990. С. 193—195. Ч. 2.
- ¹⁴ Церковь не оставалась в стороне и излагала в книгах точку зрения ортодоксального православия. Достаточно указать 100-страничную «Жизнь загробную. Сказание о том, что происходит с человеком в смертный час и после смерти» (М., 1898) или брошюру свящ. Николая Добронравова «Христианское воззрение па смерть» (без года: репринт— 1992 г.).
- ¹⁵ *Успенский Б.А.* История и семиотика (Восприятие времени как семиотическая проблема). Статья первая // Зеркало Семиотика зеркальности. Труды по знаковым системам. XX11. Тарту, 1988. С. 80.
- ¹⁶ *Виноградов Г.С.* Смерть и загробная жизнь в воззрениях русскою старожилого населения Сибири. Иркутск, 1923. Доступный всем читателям рассказ «Обмиравшая» опубликован в кн.: Народная проза (Библиотека русского фольклора. Т. 12). М., 1992. С. 341—352. Указывается, что обмиравшая слышала «три слова», а другие многие обмиравшие «обо всем говорили, а о каких-то трех словах не сказывали».
- ¹⁷ *Тарабукина А.М.* Традиционный фольклор в современной школе // Школьный быт и фольклор. Ч. I. Таллинн, 1992. С. 76—85. См. также статью: *Лурье М.Л., Тарабукина А.М.* Странствия души по тому свету в русских обмираниях // Живая старина. 1994. № 2. О жанре нероссийских видений см. три материала в кн.: Восток-Запад. Вып. 4. М.: Наука, 1989. С. 18—77.
- ¹⁸ *Вудуорд К.* Отрицание ада // Америка. 1990. № 404. С. 12—16. См. также: *Золотоносов М.* Сад краугольных камней. Философские заметки о современной литературе: страх, ненависть, смерть // Час пик (С.-Петербург). 1991. №42. С. 16.